

СТАНОВЛЕНИЕ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В ПЕРЕХОДНЫХ ОБЩЕСТВАХ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Абраменко Е.Г.

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины, г. Гомель, Беларусь

В рамках демократических переходов происходят институциональные трансформации. Рассматривая становление политических институтов, в том числе институтов представительства, в указанном регионе, следует учитывать, что государства Центральной и Восточной Европы отличаются как наличием, так и отсутствием демократических традиций. Так, в некоторых государствах ЦВЕ, установление демократических институтов отвечало историческому и социо-культурному развитию.

Большое значение в процессах трансформации данного региона имеет международный фактор. Уже в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в., в начале переходного периода, большинство стран региона ориентировались на Европейские государства и стремились к «возвращению в Европу», а ведущим условием вступления в Европейский Союз является соблюдение демократических стандартов.

В ряде государств Балканского региона общественно-политические преобразования идут медленно, что обусловлено неразвитостью демократических традиций и этническими конфликтами. В этих государствах демократические институты, по сути, навязаны мировым сообществом, которое поддерживает их функционирование.

В большинстве стран ЦВЕ в переходный период установилась парламентская республика (Албания, Венгрия, Латвия, Словакия, Чехия, Эстония), которая по форме приближалась к модели рационализированного парламентаризма, реализующегося в ФРГ (когда парламент избирает главу государства). Такой выбор объясняется: а) историческими традициями ряда государств, в которых существовали начальные элементы парламентского режима (парламентские монархии); б) положительным опытом стран Южной Европы, где в результате перехода к демократии были установлены парламентские республики или монархии; в) стремлением к децентрализации власти; г) плюрализмом мнений и множеством политических партий, для которых необходимым являлось создание коалиционного правительства, так как в условиях перехода они не всегда могли договориться [6].

В парламентских республиках, например в Венгрии, Чехии, Латвии, кроме законодательных и представительных, парламенты наделены полномочиями по широкому кругу вопросов. Так, в этих республиках парламент имеет право избрания и смещения президента (ст. 36, 51 Конституции Латвии, ст. 54. п. 2. Конституции Чехии, § 29, 31 Конституции Венгрии). Помимо этого Государственное собрание Венгрии согласно ст. 33 и 39 может избирать и премьер-министра (по предложению президента), и выражать ему недоверие. В Чехии и Латвии главы правительств назначаются президентом с согласия парламента. Парламенты всех рассматриваемых государств обладают существенными контрольными полномочиями. Конституции закрепляют ответственность правительства перед парламентом.

Вместе с парламентскими республиками в странах рассматриваемого региона представлены смешанные формы государства, представляющие собой различные варианты комбинаций элементов парламентских и президентских республик (Болгария, Литва, Польша, Румыния, Словения).

Президент в данных государствах избирается народом через всеобщие выборы, а не парламентом (ст. 127 Конституции Польши). В выполнении своих полномочий глава государства не связан с позицией парламента. Полномочия президента в данных государствах значительно шире: назначает выборы в парламент (ст. 98 п. 2 Конституции Польши, ст. 98 п. 1 Конституции Болгарии, ст. 84 Конституции Литвы); после кон-

сультации с законодательным органом назначает премьер-министра (ст. 154 п.1 Конституции Польши, ст. 99 Конституции Болгарии, ст. 84 Конституции Литвы, ст. 89 Конституции Румынии). Также в рассматриваемых государствах глава государства имеет право назначать часть руководителей дипломатических представителей и назначать и отстранять от должности других служащих. Президент имеет право распустить парламент в оговоренных случаях: если законодательный орган не может утвердить главу правительства или выносит правительству вотум недоверия; имеет право вето. Парламент, согласно Конституциям рассматриваемых государств, осуществляет законодательную власть (отличием Болгарии является то, что Народное собрание не может принимать изменения и дополнения к Конституции по некоторым вопросам, для этого необходимо образование специального органа – Великого Народного собрания). Согласно ст. 158 Конституции Польши, ст. 89 п. 1 Болгарии, ст. 112 Румынии, парламент может вынести вотум недоверия правительству, за которым следует его отставка. Также законодательный орган может отстранить президента от должности путем вынесения импичмента.

Согласно Конституциям, исполнительная власть, в лице правительства, проводит внутреннюю и внешнюю политику и несет ответственность перед парламентом.

Необходимо отметить, что становление парламентаризма в переходных обществах сопровождается конфликтами между законодательной и исполнительной властями, а также между законодательным органом и президентом. Так, например, в начале 1990-х г. в Чехии правительство, которое поддерживалось правящей коалицией в парламенте, проводило непопулярные социально-экономические реформы. Ее представители, чтобы избежать вотума недоверия и роспуска парламента, блокировали формирование Сената. Президент В. Гавел неоднократно направлял закон, принятые парламентом, в Конституционный суд.

В Польше в 1997-2001 гг. избранному от социал-демократов президенту А. Квасневскому пришлось взаимодействовать с правоцентристским правительством. Президент неоднократно накладывал вето на законы, принятые Сеймом, и только один раз парламент его преодолел.

В Словакии в 1994-1998 гг. во время правления В. Мечъяра президент находился в конфликте с правительством. Глава государства отклонял закон, принятый парламентским большинством, которое в свою очередь отклоняло вето. Тогда президент или оппозиция обращались в Конституционный Суд с ходатайством о проверке соответствия закона Конституции (за это время Конституционным судом 19 законов были признаны неконституционными).

В Венгрии в 1998-2002 гг. правительством В. Обрана были сделаны попытки уменьшить контроль законодательной власти над исполнительной. Так, пленарные заседания парламента начали проводиться один раз в три недели (ранее проводились еженедельно). Результатом стало сокращение общего числа пленарных заседаний. Если в начале 90-х гг. депутаты заседали около 40 недель в год, то в 1999 г. – 16, в 2000 – 17, вследствие чего сократилось количество немедленных вопросов правительству (в 1994-1998 гг. их было 1276, а 1998-2001 гг. – 508). Таким образом, контроль парламента над правительством значительно снизился, а роль сдержки и противовеса не реализовывалась.

До 2003 г. Конституция Румынии разрешала правительству принимать ордонансы, а также экстренные ордонансы, вступающие в силу немедленно и не нуждающиеся в одобрении парламента. Например, в 1998 г. было принято 220 ордонансов и экстренных ордонансов, в 1999 г. – более 300. В то же время парламентом в ходе обычной процедуры было принято 475 нормативных актов. В 2000-2002 гг. треть принятых законов были одобрением экстренных ордонансов [4, с. 25].

Необходимо отметить, что в большинстве поставторитарных стран, переживших период трансформации политической системы, парламентаризм формировался путем импорта, т.е. через перенос формальных правил и норм в одну институциональную среду из другой, где они уже доказали свою эффективность. При этом возникает замкнутый круг, так как новый политический институт не может показать свою результативность вследствие отсутствия поддержки со стороны политической элиты и граждан, а получить легитимность новый институт не может, так как в глазах большинства населения не является эффективным и способным решить общественно-политические и социально-экономические проблемы. В результате растет неудовлетворенность функционированием политических институтов (в частности парламентом), которая приводит к недоверию к ним.

По результатам исследований Евробарометра, в 2010 г. доверие национальным парламентам по сравнению с 2008 г. упало на 1% в Чехии и Словакии, 2% в Эстонии, 4% в Литве, 5% в Румынии, 6% в Польше, на 9% в Латвии, 10% в Хорватии, 13% в Словении. Повысилось доверие к законодательным органам только в Болгарии (+ 19%) и Венгрии (+ 1%) [3, 5].

Немаловажное значение для становления политического института парламентаризма имеет развитие гражданского общества. Период с конца 80-х – начала 90-х гг. XX в. стал началом формирования многопартийной системы. Этот процесс имеет как положительные, так и отрицательные стороны. С одной стороны, партии внесли в политическую жизнь разнообразие и плюрализм. Но с другой – в условиях переходного периода политические партии фрагментированы. Так, в Албании, по данным на 2002 г., насчитывалось около 50, в Болгарии – 250, в Венгрии – 150, в Литве – 37, в Польше – около 150, в Румынии – 43, в Сербии – 274, в Словакии – 25, в Словении – 30, в Хорватии – около 90, в Чехии – 40, в Эстонии – 20 партий. Также нужно сказать, что низовые партийные организации, которые своими корнями уходят в глубь общества, как правило, отсутствуют. В таких условиях многопартийность перестает быть проводником общественных интересов и потребностей. Поэтому уровень доверия политическим партиям достаточно низкий: в Венгрии он составил 29%, в Эстонии – 21%, Словении – 19%, Чехии – 15%, в Румынии – 14%, Литве, Словакии и Болгарии – 10%, Польше – 9%, в Латвии – 6% [4]. Эти данные отражают растущее расстояние между избирателями и политическими деятелями, основанное на общественном разочаровании правительственными реформами. В результате граждане теряют уверенность в том, что они могут решить проблемы через политические и коллективные структуры.

Особенное значение в таких условиях приобретает развитие общественных объединений, так как они агрегируют и артикулируют нужды и требования населения. Так, по данным на 2003 г., в Венгрии насчитывалось около 68 тыс. общественных организаций, в Чехии – 55 тыс., в Польше – более 41 тыс., в Румынии – 25 тыс., в Сербии – 24 тыс., в Словакии и Хорватии – около 20 тыс. Политический институт парламентаризма содействует созданию каналов коммуникаций между элементами гражданского общества и государственными органами.

Так, например, в 2001г. в Болгарии при Народном собрании был основан комитет по вопросам гражданского общества, который должен служить мостом между парламентом и гражданским обществом, в состав которого вошёл 21 представитель неправительственных организаций. Департамент отношений с гражданским обществом функционирует при Палате депутатов в Румынии. В Словакии и Хорватии неправительственные организации часто привлекаются для экспертизы законопроектов. В частности, в Словакии в 2000-2001 гг. общественные организации были задействованы в обсуждении поправок к Конституции, а в Хорватии в 2002 г. – в обсуждении во-

просов, связанных с защитой прав человека, молодежной политики, социальной помощи и др. [2, 4].

Тем не менее, несмотря на существенные успехи в развитии взаимодействия между государством и структурами гражданского общества формальные механизмы для консультаций по вопросам законодательства довольно слабы. Также многие представители политической элиты рассматривают активную деятельность общественных организаций как ненужное вмешательство в их работу [1].

Однако, несмотря на трудности становления и развития политического института парламентаризма, его стабилизирующий потенциал необходим в переходный период. В таких обществах парламенты могут выступать в роли «школы демократии». Они противостоят авторитарным традициям и тенденциям органов исполнительной власти, содействуют решению накопившихся в обществе проблем демократическим путем.

Список цитированных источников

1. Czech Republic. Nations in transit 2006 // Freedomhouse [Electronic resource]. – 2010. – Mode of access: <http://www.freedomhouse.hu/nitransit/2006/czech-republic2006.pdf>. – Date of access: 31.01.2010.

2. Romania. Nation in transit 2006 // Freedomhouse [Electronic resource]. – 2009. – Mode of access: <http://www.freedomhouse.hu/nitransit/2006/romania2006.pdf>

3. Table of rezalts standart Eurobarometer 72 [Electronic resource]. – 2011. – Mode of access: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb72_anx_vol1.pdf

4. Демократическое правовое государство и гражданское общество в странах Центрально-Восточной Европы / Н.И. Бухарин [и др.]; Рос. акад. наук, Ин-т междунар. экон. и полит. исслед. – М: Наука, 2005. – 181 с.

5. Евробарометър 69. Обществено мнение в Европейския Съюз. – Пролет 2006. Национален доклад България [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: http://www.ec.europa.eu/publicopinio/archives/eb/eb69/eb69_bg_nat.pdf

6. Медушевский, А. Перспективы дуализма: очерк политической трансформации / А. Медушевский // Журнальный зал [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2008/24/me7.html>. – Дата доступа: 25.01.2010.

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ РЕЛИГИОЗНОСТИ

Акинчиц И.И.

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Религиозным верованиям присуща консервативность, благодаря которой многие народные традиции, связанные с христианством, обладают высокой степенью устойчивости, сохранности. Однако и они не могут не испытывать влияния глобализационных процессов и не подвергаться определенной трансформации. Причем эта трансформация в современных условиях происходит как на уровне религиозной идеологии, так и религиозной психологии. Ведь богословие и обыденная религиозность находятся в тесной взаимосвязи. Религиозная психология включает идеи и представления, не только разработанные теологами, но и возникшие в процессе повседневной жизнедеятельности мирян. Без их учета теологи могут лишиться своей паствы. Поэтому они, принимая во внимание умонастроения и взгляды рядовых верующих, ныне во многих случаях отходят от догматического богословия. Находя в обыденном религиозном сознании питательную почву для теоретических построений, богословы не только систематизируют и обосновывают представления мирян, но и разрабатывают такие теологические доктрины, которые не могут быть сформулированы на уровне религиозной психологии. Богословы вынуждены также постоянно приспосабливать